

ИСПОВЕДЬ И ПОКАЯНИЕ СЛУЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Виталий Викторович Пенской,
доктор исторических наук, профессор ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

Характерной чертой развития русского права в эпоху Средневековья – раннего Нового времени было господство обычного права (что для этой эпохи не было удивительным). Обычай, традиция регулировали поведение индивида, включенного в сложную систему социальных связей – как горизонтальных (семейных, родовых и им подобных), так и вертикальных (патрон-клиентских и пр.). Однако только лишь рамками обычного права эта система, предопределявшая поведение человека, его поступки, мотивацию и т.п., не ограничивалась. Отечественный медиевист А.Я. Гуревич отмечал, что традиционно исследователи «сосредоточивают внимание на таких ячейках разной степени сложности, обрзающих феодальное общество, как семья, вотчина, мирок сеньориального господства, и на политических единицах – княжестве, государстве». При этом, обращал внимание своих читателей историк, «как правило, за пределами рассмотрения остается еще одна организационная форма социального общения людей, которая характерна именно для средневековой эпохи, – церковный приход». Почему столь важна именно эта форма социального бытия в жизни средневекового человека – на этот вопрос ученый отвечает так: «В рамках этой низовой, первичной молекулы структуры церкви в значительной мере и сосредотачивалась жизнь народа... В приходе осуществлялся идеологический и нравственный контроль за местным населением. Человек принадлежал своему приходу: здесь он получал крещение после рождения, то есть из существа биологического превращался в существо социально-нравственное, посещал церковь, слушал молитвы и поучения, присутствуя при отправлении культа, исповедовался, вступал в брак; здесь же он получал и последнее отпущение грехов. Не покидал он своего прихода и после смерти ибо только в его пределах допускалось погребение, и нередко тела людей, похороненных в других местах, затем выкапывали, с тем чтобы похоронить их на кладбище прихода...» [2, с. 112].

Отмечая значимость прихода в жизни рядового члена средневекового общества, мы не случайно выделили в этой длинной цитате места, касающиеся исповеди и отпущения грехов. Таинство исповеди – одно из важнейших таинств христианства, и ему придается особое значение, поскольку своей целью оно имеет очищение, разрешение исповедующегося от совершенных им грехов, без чего невозможно его спасение. Получить это очищение прихожанин мог, только открыв свою душу, самые потаенные ее уголки, своему приходскому священнику, который в силу своего статуса имел полномочия духовного руководителя своей общины, призванного направлять своих духовных чад на путь веры. Однако этот контроль и это руководство было бы невозможно осуществить, не будь в руках пастыря «покаянной книги» – пенитенциария, исповедного опросника, «пособия» по исповедальной практике, которым должен был руководствоваться священник, выслушивая исповедь кающегося. Касаясь значения этого «пособия», отечественный исследователь М.В. Корогодина отмечала, что во время исповеди «отпускались только те грехи, о которых было рассказано на исповеди; если же про какое-либо происшествие грешник не упоминал по забывчивости, то оно оставалось нераскаянным, причем ответственность за это отчасти лежала и на духовнике» [3, с. 47]. Отсюда вытекает и популярность такого рода богослужебной литературы, и тенденция к расширению содержания, увеличению числа вопросов, которые должен был задать духовник своему чаду во время исповеди. При этом, как отмечала М.В. Карагодина, наряду с детализацией вопросов наметилась к концу Средневековья и другая тенденция – своего рода «специализация» вопросов – не только по половому или возрастному признакам, но и по социально-профессиональному [3, с. 47-48]. Как результат, во 2-й половине XVI в. появляются вопросники, которые предназначены для опроса служилых людей и вообще всех тех, кто так или иначе несет государеву службу – военную или гражданскую (граница между которыми в те времена была при-

зрачна – сегодня воинник, а завтра наместник или волостель, обязанный судить и рядить по праву и справедливости). И в этом плане весьма любопытно и познавательно, проанализировав тексты этих пенитенциариев, обозначить те группы прегрешений, которые были характерны для ратных и приказных чинов.

Краткий вопросник, обращенный к «вельможам» и датированный XVI в., насчитывал всего несколько статей, среди которых выделяются те, что были связаны с исполнением «вельможей» своего служебного долга перед государем. На первом месте стоит вопрос: «Не изменил ли еси ц[а]рю г[о]с[у]д[а]рю великому князю, в целовании крестом или во ином чем?». Три следующих за ним касаются должностных обязанностей, а именно судопроизводства – «не судил ли еси суд в кривее или по посулом?», «не доспел ли еси виновата права, а праваго виновата?» и, наконец, «не осудил ли еси ч[е]л[ове]ка без вины на см[е]рть?» [1, с. 171].

Итак, на первых порах список важнейших прегрешений, которые можно отнести к сфере действия публичного права (хотя такой термин на Руси в ту пору и не был известен) ограничивался только 4-мя статьями. И осмелимся предположить, что появление этого поновления к вопросу связано с теми «реформами», которые осуществлялись в конце 40-х – 50-х гг. XVI в. при Иване Грозном и митрополите Макарии. На это обстоятельство косвенно указывают и титулование государя в первых строках 1-й статьи поновления, и сам набор прегрешений – измена присяги государю и «кривое» судопроизводство (ибо грех, допущенный государевым человеком на службе, неизбежно ложится пятном и на самого государя – ибо если «князь без божию страха, христьян не жалуует, сирот не милует, и вдовицами не печалует, – поставляет тивуна или коего волостеля – человека зла, бога не боящася и закона божня не ведушче, и суда не разумеюще, только того дела, абы князю товара добывал, а людей не щадить», то, значит, «князь во ад и тиун с нимь во ад!» [4, с. 376]), что было более чем актуально на Руси в эпоху боярского правления и начала царствования Ивана IV.

Несколько позднее появляется другой текст, более объемный и носящий иное название, обращенное не только «властителям», но и приказным чинам. Любопытно, но здесь, в этом поновлении, впервые появляется ряд статей, посвященных тому, что сегодня назвали бы воинскими преступлениями. В частности, духовник должен бы спросить у своего духовного чада, «на рати в войске человека повинувшагося пред тобою, вернаго или не вернаго, не оубил ли еси?», «во станех оружия и порт или иново чево не крадывал ли еси?», «в ратном деле женьска полу и младенцев не противящихся ти не оубивал ли?...» [1, с. 172-173]. Пара вопросов связана с «воровством» – «не здал еси ли града сопостатом?» (своего рода намек на бунт в осажденном Полоцке в августе 1579 г., в результате которого часть гарнизона, отказавшись повиноваться воеводам, открыла ворота города полякам) и «в чужою землю отъехати не мыслил еси?» (отъезд в Великое княжество Литовское при Иване Грозном приобретает массовый характер) [1, с. 173].

К этим прегрешениям примыкают и ряд других, также связанных с боевыми действиями (что и неумудрено, учитывая, что московские ратные люди рассматривали войну как выгодно дело, позволяющее поправить свое материальное положение, обзаведясь «животами» и пленниками – челядью): «Находом нахаживал что чужее и не отдал еси, ведая погубившаго в печали суша?», «пленницы жены или девицы или рабы своя блудом не осквернил еси?», «вернаго неверным не продавал ли еси в работу?» (продажа единорверцев неверным, под которыми понимались как католики или протестанты, так и мусульмане, воспрещалась), «невернаго продад пленника купленово, прикупя оу нево не имывал ли еси?» (здесь, судя по всему, идет речь о том, что воинник, сперва получал у пленника выкуп, а потом, желая получить дополнительный доход, все равно продавал его в рабство), «к себе свободнаго не поработил ли еси?...» [1, с. 172]. Здесь напрашиваются параллели со свидетельствами о судьбе пленников, которые были взяты русскими воинами в ходе походов в Швецию, Ливонию и Литву в 50-х – 70-х гг. XVI в.

Заслуживает внимания и еще одна статья из вопросника – «в татарех или в латынех в полозу, или своєю волею не бывал ли еси и с ними ел и пил и в их мольбища, не молил-ся ли еси по их закону, жертвы идолам не пожерл ли еси, с неверными женами не блудил ли еси и женитвою на них не женивал ли...» [1, с. 172-173]. Эпоха Ивана Грозного была эпохой, когда война, и почти все время на нескольких фронтах, была практически «безперестани» (по существу, с 1545 по 1583 гг. как минимум), и проблема «полонного терпения» стояла более чем остро. Далеко не все выдерживали многолетний плен и, стремясь облегчить свое положение, могли «обасурманиться», отсюда и вопрос, внесенный в вопросник.

Отдельную группу прегрешений составляют преступления против государя и его близких людей – впервые в таком объеме в истории русских пенитенциариев. Вот их перечень: «Государю крест целовав не изменил ли еси в чем?»; «Вероу служиши государю своему и государыни своєю; и детям их во всем ли безхитростно?»; «Зелием, отравоу испорти их не мыслил ли еси?» (надо ли понимать это как намек на судьбу первой жены Ивана Грозного и его материи, о которых ходили слухи, что они были отравлены?); «О предании своего государя и государыни и их детей неверным иноземцем не мыслил ли еси?» (отголосок событий 1567 г.?): «Или иного кого ведал еси зломыслиа на своего государя, или на государыню, или на их детей, а того не поведал еси государю своему?» (верность клиента своему патрону создавала серьезные проблемы в ходе розыска по «изменным делам», хотя, с другой стороны, сам Иван Грозный ставил князю Андрею Курбскому его слугу Васюку Шибанова в пример за его верность своему господину); «Или оубийства им не сотворил ли своими руками?» [1, с. 172-173].

Еще одна группа вопросов связана с покушение на честь государевой супруги: «Лиха какова на них не мыслил ли еси о оубийстве, или о татбе, или о блуде?»; «Не пался ли еси с нею волею или неволею, временныа ради почести житиа сего?»; «Совета не чинивал ли еси своєю государынею о блуде?» и «в своен мысли не хотел ли еси с нею быти чародейством, или мерских баб советом?» [1, с. 172].

Другая группа вопросов касалась прегрешений, допущенных на «гражданской» службе – вовремя наместничества или волостельства. К ним можно отнести следующие: «Бывал ли еси от своего государя на какове власти и истинно ли сохранил еси повеленное ти или о чем погрешил еси, или солгал еси своего ради прибытка?»; «Дела какова от своего государя не оутаил ли еси?»; «Или в государском в чем корысти восхотел еси?»; «Или не по приказу его что сотворил еси?...». Обращает на себя внимание ряд вопросов, связанных с судопроизводством и налогообложением (большой вопрос в эпоху Ивана Грозного): «Суда не приказу не суживал ли и мзды ради неповиннаго не обвинил ли еси, а виноватого не оправдал ли еси? Или недомышлением не оумел еси различити правды от не правды?»; «Напрасно ково не продал ли еси, или поддетом и оуговором какова дела не нарядил ли еси, диаволи наоучением, своего ради суетнаго прибытка?»; «Пошлин или каких иных доходов напрасно не брал ли еси креме оурочново оуказу?»; «Не бивал ли еси ково без вины, и в темницу не вметывал ли еси напрасно? ...»; «Или налоги тязки на христианы наложил еси, а не по приказу государя, но хотя ему тем любим сотворитися?»; «Или чрез повеление государя своего упустил еси человека тща биюща ти челом о нужде свое, не хотя ему оуказ чинити по великого князя судебнику?» [1, с. 171-173].

Нетрудно заметить, насколько расширился список вопросов и насколько велик стал круг вопросов, которые обязан был задать духовник на исповеди служилого человека. Учитывая, что большая часть этих вопросов (в особенности тех, что касались военных преступлений) не поднимались в Судебнике 1550 г. и его позднейших редакциях, то можно предположить, что, принимая во внимание религиозность русского общества той эпохи, страх перед Божиим наказанием должен был хотя бы частично возместить или компенсировать отсутствие соответствующих статей в государственном законодательстве. Впрочем это и неудивительно, учитывая тот факт, что судебники Ивана III, Ивана IV и позднейшие их редакции носили в большей степени процессуальный характер, а большая

часть юридических казусов решалась в рамках обычного права, внутри которого вопросы, поднятые в вопросниках и поновлениях к ним не поднимались вообще. И когда М.В. Карагодина пишет о том, что в вопросниках «речь идет о живом отклике церкви на общие процессы, происходившие в государстве, о взаимном влиянии церкви и мира», то с этим, пожалуй, стоит согласиться [3, с. 60].

Литература

1. Алмазов А.И. Тайная исповдь в Восточной православной церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. – Т. 3. – Одесса, 1894. – 425 с.
2. Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. – 544 с.
3. Карагодина М.В. Исповдь вельмож // Российское государство в XIV – XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С.47-63.
4. Семена епископа тферьскаго наказание // Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1969. – С. 376.